РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Романовы в дороге

Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 93/94
ББК 63.3(3)
Р69

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *М.В. Лескинен,*
доктор исторических наук *О.В. Хаванова*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е.Н. Марасинова,*
кандидат исторических наук *С.С. Лукашова*

Р69 **Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу**: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 320 с.

ISBN 978-5-4469-0665-9

В сборнике научных статей представлены материалы конференции, посвященной 400-летнему юбилею династии Романовых. Поездки и путешествия российских самодержцев и членов их семьи с XVII по XX вв. рассматриваются с точки зрения разновидностей и целей, исходя из жанровой специфики источников (заметки самих участников, корреспонденция, реляции, публикации в газетах и журналах, мифологемы массового сознания и т. п.), а также в контексте формирования имперских церемоний и этикетных норм коммуникации. Проанализированы некоторые методологические и теоретические вопросы изучения и интерпретаций высочайших путешествий по России и за границей, – в частности, язык, приемы и риторика их репрезентаций для разных аудиторий. Сборник предназначен для историков, филологов, специалистов по истории и культуре Российской империи, а также для широкой гуманитарной аудитории.

The volume includes proceedings of the conference dedicated to the 400-year anniversary of the Romanov dynasty. Travels and journeys of the Russian tsars and their family members from the seventeenth to the early twentieth century are considered from the point of view of their variety and purpose, with regard to the genre of the sources used (notes of the travellers themselves, correspondence, reports, periodicals, mythologies of mass consciousness and so forth), as well as in the context of emerging imperial ceremonial and etiquette norms of communication. Authors pay attention to methodological and theoretical issues of research and interpretation of monarchic travels in Russia and abroad, such as language, ways and rhetoric of their representation for different audiences. The volume is addressed to historians, philologists, scholars studying the history and culture of the Russian Empire and to all those interested in the humanities.

УДК 93/94
ББК 63.3(3)

В оформлении обложки использован фрагмент картины Н. Е. Сверчкова «Николай I в санях». На обороте — гравюра Гоппе «Дорожный возок Екатерины II»

ISBN 978-5-4469-0665-9

© Коллектив авторов, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Ф. И. Мелентьев

О. Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича

Поездки и путешествия по России наследников престола были тесно связаны с воспитанием и образованием цесаревичей. Одним из самых способных русских престолонаследников считается старший сын Александра II — умерший в молодости цесаревич Николай Александрович[1]. Его путешествия по стране должны были стать «не одною только наглядкою туриста, а поверкою учебных доводов на мериле действительности», как мечтал об этом в 1857 г. его тогдашний наставник В. П. Титов[2].

Непременным атрибутом поездок и путешествий по России наследника престола были так называемые журналы. Они писались состоявшим при цесаревиче лицом и с определенной периодичностью посылались императору в качестве отчета. Ведéние журналов о воспитании маленьких великих князей являлось давней традицией в императорской семье, в которой дети были отделены от родителей[3]. Видимо, начало поденным запискам о великом князе Николае Александровиче (тогда еще не наследнике) было положено в 1847 г. письмами С. А. Юрьевича к его бывшему воспитаннику цесаревичу Александру Николаевичу[4].

С 1858 г. обязанность составления журналов о занятиях цесаревича Николая Александровича лежала на полковнике Оттоне Бурхардовиче (Оттоне Деметриусе Карле Петере) Рихтере, которого сыновья Александра II звали на русский лад Дмитрием Борисовичем, или сокращенно «Д. Б.»[5]. Окончив Пажеский корпус в 1848 г., Рихтер участвовал в Крымской и Кавказской войнах и был награжден золотым оружием с георгиевским темляком. Даже самые скупые на похвалы современники отмечали его честность и благородство[6]. С 1858 г. он состоял при цесаревиче Николае Александровиче до смерти последнего в 1865 г. Назначение состоять при наследнике было для Рихтера

важно и значимо. «8 сентября 1858 года, — начинал он свой первый журнал, — это дата, которая открывает новую эпоху в моей жизни»[7]. А уже через месяц цесаревич писал в дневнике о Рихтере: «Это мой истинный друг»[8].

С 1858 г. Рихтер сопровождал цесаревича Николая Александровича в его поездках и путешествиях. Терминологически эти понятия отличались друг от друга. Для понимания разницы между ними следует учитывать мнение современных исследователей, которые отмечают условность любой типологии путешествий, потому что ее критерии неизбежно пересекаются друг с другом[9]. Ярким примером такого пересечения оказываются путешествия по России царских сыновей. «Представительский вояж, — пишут Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов, — был для наследника престола не только репрезентативным путешествием (будущий император представлялся России), но и ученым или познавательным путешествием, поскольку этим проектом заканчивалось его школьное обучение (и на самом деле, наследник престола изучал и открывал для себя возможные ресурсы подвластной ему страны). Вместе с тем это же путешествие можно рассматривать и как развлекательную или каникулярную прогулку, так как это путешествие находилось в конце академического курса [...] А поскольку историческая составляющая в представительском вояже наследника престола занимала немалое место, путешествие его можно с равным успехом назвать и археологической экскурсией»[10].

Несмотря на содержащуюся в этом размышлении модернизацию некоторых аспектов августейших путешествий, оно подводит к необходимости прислушаться к тому, как эти путешествия классифицировались их организаторами. Судя по делопроизводству Собственной конторы детей их императорских величеств рубежа 1850–1860-х гг., *путешествия* по России были связаны с посещением большого количества населенных пунктов в течение относительно длительного времени (в рамках подготовки к путешествиям создавались специальные брошюры с маршрутами и даже карты[11]). *Поездками* же считались перемещения в направлении конкретного населенного пункта. Впрочем, как путешествия, так и поездки цесаревича могли обозначаться в делопроизводстве словом *вояж*.

В непосредственной связи с длительностью перемещения в пространстве находилась финансовая сторона вопроса. Так, членам свиты, чинам и служителям, которые отправлялись вместе с наследником

в *путешествия* по России (1861, 1863), выдавались подъемные деньги[12]. *Поездки* же цесаревича в Гапсаль (1859) и Либаву (1860), «по высочайшему государя императора повелению, считались загородными пребываниями», в связи с чем подъемные деньги не выдавались[13]. Таким образом, критерием классификации путешествий и поездок по России наследника престола в конце 1850-х — начале 1860-х гг. можно считать продолжительность перемещения по стране и количество его этапов, а одним из маркеров этой классификации — выдачу подъемных денег членам свиты.

Написанные во время путешествий журналы были более богаты путевыми подробностями, чем аналогичные описания поездок, ведь в последнем случае значительный объем текста оказывался посвященным не перемещению в пространстве, а «пребыванию» в конкретном населенном пункте. Поэтому наиболее любопытными журналами О. Б. Рихтера представляются те, которые он написал в процессе путешествий по России с цесаревичем Николаем Александровичем в 1861 и 1863 гг. Во время первого путешествия наследник в сопровождении небольшой свиты побывал в Москве, Владимире и Нижнем Новгороде, откуда по Волге отправился в Казань. В 1863 г. цесаревич совершил плавание по Волге и Дону, а также посетил Крым и Закавказье. Насыщенность маршрутов предполагала яркие путевые впечатления, которые фиксировал Рихтер.

Новые впечатления нередко казались путешественникам комичными. Однако тактичный Рихтер поначалу опасался шутить в тексте, предназначенном для прочтения не столько его спутниками, сколько самим императором. По просьбе Рихтера это опасение постарался развеять цесаревич Николай Александрович, писавший отцу в 1861 г.: «Д. Б. сначала не решался писать тем юмористическим тоном, который мы, наконец, убедили его принять для описания разных более или менее забавных и оригинальных случаев, составляющих так часто всю прелесть дороги». «Не правда ли, милый Папа, — продолжал наследник, — мы имели *резон** желать, чтобы наш дневник, который, я убежден, Тебя интересует, как можно более соответствовал своему назначению, т. е. как можно рельефнее и живее изображал Тебе наше странствие»[14]. Склонный к юмору великий князь не хотел, чтобы жур-

* Здесь и далее выделенные курсивом слова в цитатах подчеркнуты в оригинале.

нал его путешествия напоминал сухой и официальный камер-фурьерский журнал.

Действительно, журналы Рихтера свидетельствуют, что описания августейших путешествий могли быть не только официозными или сатирическими (как под пером А. И. Герцена[15]), но и иронически-ми. Свойственную Рихтеру легкую насмешливость отмечали знавшие его современники, а Б. Н. Чичерин вспоминал, что тот «любил отпускать плохие каламбуры»[16]. Впрочем, журнал полковника был оценен Александром II, отвечавшим старшему сыну: «Поблагодари Рихтера за журналы, которые мы читали с любопытством»[17].

Одним из самых занимательных эпизодов показалось членам императорской семьи поведение цесаревича Николая Александровича на прощальном обеде в Нижнем Новгороде 14 августа 1861 г., описанное Рихтером. Цесаревич встал из-за стола до окончания обеда, чем лишил всех присутствующих возможности отведать десерт. «Зачем между нами не было 2-го Гогарта, чтоб схватить различные выражения лиц, — патетически восклицал Рихтер, — тут было смятение, невозмутимое спокойствие, живой упрек, обманутые надежды, удивление, одним словом, картина, достойная карандаша великого художника». Описание обеда, «на котором Н[иколай] А[лександрович] отличился», вызвало «самое сильное одобрение» у его братьев, которым Рихтер позже читал журнал путешествия[18]. «Выходка на нижегородском обеде» позабавила и императрицу Марию Александровну, написавшую об этом старшему сыну[19]. Впрочем, цесаревич быстро исправил свой промах. Уже в Казани он позволил сотрапезникам «совершенно спокойно насладиться не только пирожным, но даже и десертом»[20].

Несмотря на иронично-юмористический характер, журналы Рихтера стали основой для официальных сообщений в печати о путешествиях цесаревича Николая Александровича. Так, статьи под названием «Путешествие Государя Наследника Цесаревича», появившиеся в сентябре 1861 г. в газете «Северная пчела», имели дословные совпадения с журналом Рихтера, хотя очевидно, что текст оригинала был расширен за счет дополнительных деталей, а также подвергся редактированию[21].

Журнал Рихтера послужил началом и для «Писем о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма». В 1863 г. цесаревича Николая Александровича сопровождали профессора И. К. Бабст и К. П. Победоносцев. Они посылали описания путешествия своего бывшего ученика в ставшую чрезвычайно популярной

газету «Московские ведомости». На следующий год Бабст и Победоносцев дополнили газетные публикации и выпустили их под одной обложкой, поставив свои подписи под предисловием к книге[22]. То обстоятельство, что Бабст и Победоносцев присоединились к свите путешествовавшего цесаревича лишь через 11 дней после его отплытия из Петербурга, не помешало исследователям считать авторами «Писем о путешествии» исключительно профессоров[23]. Однако сопоставление первых двух глав «Писем» с журналом Рихтера приводит к выводу о несомненной зависимости текста Бабста и Победоносцева от посланий состоявшего при наследнике полковника.

Так, Рихтер с иронией писал Александру II, что наряд увиденных им шлиссельбургских крестьянок «чрезвычайно дорог, если верить тому, что жемчуг, украшающий повойники, настоящий»[24]. Слова Рихтера были немного отредактированы для газетной публикации, а затем попались на глаза А. И. Герцену. Сам любитель каламбуров, Герцен не распознал иронии и решил, что «летописец путешествия наследника» посчитал жемчуг неподдельным[25]. Шутка Рихтера, адресованная императору, не соответствовала канону описаний августейших путешествий и поэтому была непонятна широкой аудитории.

Путевая корреспонденция цесаревича Николая Александровича также была неясна без журнала Рихтера. «Ездил с дамами и старым бардом в Соломенное*», — лаконично телеграфировал наследник Александру II из Петрозаводска 16 июня 1863 г.[26] «Из твоей депеши, — писал брату 16-летний великий князь Владимир Александрович, — мы никак не могли понять, что ты подразумеваешь под старым бардом. Только поняли, получив журнал»[27]. В журнале же Рихтер подробно описал встречу цесаревича со слепым сказителем былин, которого слушали путешественники во время поездки на пароходе в живописно расположенное село Соломенное[28].

В ходе путешествий цесаревич Николай Александрович общался с широким кругом людей, начиная с губернаторов и заканчивая крестьянами. Встречи с ними нашли отражение в журнале состоявшего при наследнике полковника, а описания этих встреч были не лишены комичности. Так, в 1863 г. крестьяне Владимирской губернии никак не могли определить, кто из приехавших офицеров был царским сыном. Сопровождавший цесаревича художник А. П. Боголюбов предложил одной

* Соломенное – ныне район Петрозаводска.

из крестьянок отгадать, «который из двух сидевших в коляске наследник». «“Должно быть, молоденький, — отвечала она, — он такой пригоженький, другой бородатый, непригожий, да и поподлее”. Я попрошу позволение не называть другого», — смеялся Рихтер, так как именно он находился в одном экипаже с цесаревичем[29]. «Комплимент бабы» рассмешил и императрицу Марию Александровну[30]. Аналогичный случай произошел в 1861 г. в московском Новодевичьем монастыре, который накануне визита наследника посетил его брат *великий князь* Александр Александрович. «Приезд наш, — писал Рихтер, — переполошил весь монастырь, долго не знали, кто мы такие, пока я, наконец, объяснил, в чем дело, и тут еще некоторые старушки не могли скоро сообразить, уверяя меня, что наследник у них был вчера»[31].

Эти случаи показывают, что «неузнаваемость» августейших особ во время их путешествий была не только типологическим фольклорным клише, но и имела место в действительности. Вероятно, свою роль в этом играло низкое качество многочисленных изображений членов Российской императорской фамилии, а также то, что народные представления о высочайших особах далеко не всегда были верными. Так, крестьянин Кинешемского уезда Костромской губернии Власий Васильев, адресуя в 1863 г. свое прошение наследнику, обращался к нему по имени его отца: «Ваше императорское высочество великий князь Александр Николаевич!»[32]

Однако, как правило, цесаревича Николая Александровича быстро узнавали. Каждому хотелось увидеть царского сына, ведь, как уверяли спутников наследника в Чебоксарах, «цари к нам не ездят, только патреты доходят»[33]. Скопления людей нередко приводили к давке. «Москвичи любят делать опыты над упругостью ребер приезжих, — с неизменным юмором вспоминал Рихтер в 1866 г. в письме Б.Н. Чичерину. — Знаю это по опыту и удивляюсь, что уцелел»[34]. Тем не менее выражение народных чувств приятно поражало спутников наследника. «Не берусь описывать восторга и криков встречавших цесаревича, с каждым городом это увеличивается, так что скоро я не буду находить выражений, подходящих к действительности», — писал Рихтер в 1863 г. из Ярославля[35].

Образ наследника, выведенный пером Рихтера, выглядел чрезвычайно привлекательно. Цесаревич Николай Александрович проявлял внимание к подданным своего отца и старался исполнять его наставления. Благодаря депутацию жителей Белозерска, писал Рихтер,

«цесаревич внятно и громко отвечал, высказав, очень удачно, в немногих словах то, что ваше величество поручило цесаревичу говорить в подобных случаях»[36]. Великий князь проявлял сочувствие к тем, несчастью которых становился свидетелем, и нередко конфузился, посещая женские учебные заведения, что казалось естественным для молодого человека его возраста.

Обилие симпатичных черт в образе цесаревича, видимо, вынуждало автора журнала описывать их посредством передачи чужой речи. Так, Рихтер цитировал услышанный им разговор двух дам: «Ну, пойдем же, ведь ты видела его? Ну, он миленький, теперь пойдем спать»[37] и реплики женщин: «Приведет ли Бог его увидеть еще раз, дайте нам на него поглядеть»[38]. Особую роль играло одобрение народом действий наследника. В 1861 г. цесаревич спрыгнул в трюм баржи, «не дождавшись сходни». «Мне, — писал Рихтер, — удалось слышать лестный отзыв, вызванный этим подвигом: “Ишь ты, совсем не форсистый”»[39]. Довольный наследник писал императрице Марии Александровне: «“Не фарсистый в[еликий] князь” останется моим нижегородским почетным титулом, которым я вправе гордиться»[40]. Журнал Рихтера становился, таким образом, инструментом формирования самосознания цесаревича, который смотрел в журнал будто в зеркало и воспринимал себя через призму данных в журнале оценок. Это еще раз объясняет взятую Рихтером вольную тональность и старание избежать формализма в повествовании.

В современной исследовательской литературе описания августейших путешествий часто рассматриваются в качестве одной из форм репрезентации монархии[41]. Однако изучение бытования журналов Рихтера показывает, что в данном случае образ путешествовавшего наследника и встречавшей его России создавался в первую очередь не для широкой публики, а для членов Российской императорской фамилии. Отправившись в сентябре 1863 г. в путешествие по России, Александр II получил журнал Рихтера, а затем послал его великим князьям Александру и Владимиру Александровичам в летнюю императорскую резиденцию с карандашной надписью: «По прочтении положить на мой стол в кабинете в Ц[арском] С[еле]»[42].

«С большим интересом читаем журнал Д. Б. и восхищаемся его красноречием», — писал великий князь Владимир Александрович старшему брату[43]. «Браво Рихтеру и его журналу», — восклицала императрица Мария Александровна[44]. Цесаревич же, как он писал матери

в 1861 г., старался «составлять письма так, чтобы они, говоря во многом то же, что и журнал Рихтера, в то же самое время говорили еще и другое и представляли разнообразие»[45]. Впрочем, в 1863 г. наследник писал великому князю Александру Александровичу, что он и его спутники «набрались стольких впечатлений, видели так много любопытного, что рассказывать подробно и обстоятельно можно только в журнале, подобном журналу Д. Б.»[46].

Обилие подробностей в журналах Рихтера имело и педагогическое значение. Воспитательные усилия состоявшего при наследнике полковника были направлены, в частности, на формирование у великого князя чувства долга и понимания собственных обязанностей. В конце путешествия 1861 г. Рихтер и попечитель наследника граф С. Г. Строганов «имели очень серьезный разговор» с цесаревичем и «выразили надежду, что он примется настоящим образом за работу в Царском Селе и что путешествие и неизбежное рассеяние не будут иметь влияния на занятия»[47]. Прочитав эти строки и зная, что их будет читать его отец, Великий князь Николай Александрович постарался оправдать надежды Рихтера, Строганова и, в конечном счете, Александра II, писавшего сыну: «Надеюсь, что путешествие твое послужит тебе в пользу для будущей *службы твоей России*»[48]. Император ссылался на слова Николая I, который, умирая, напутствовал своего старшего внука: «Служи России»[49]. Подготовкой к этой службе являлись путешествия по России и учебные занятия наследника престола.

Несмотря на то, что Рихтер выполнял педагогические функции, между ним и его подопечным были самые теплые отношения. Так, например, по словам Рихтера, 1 августа 1863 г. «его высочество со всеми спутниками разбудил меня серенадою, узнавши, что это день моего рожденья; я чрезвычайно был тронут любезным вниманьем»[50]. «В духе», «очень терпелив», «отличный товарищ в путешествии», — характеризовал Рихтера наследник в письме к матери[51]. Близость и доверие цесаревича и Рихтера отмечали современники. «Я внимательно всматривался в их отношения и не мог ими налюбоваться, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — с одной стороны постоянная, неусыпная заботливость, преданность без малейшего угождения, мягкость без уступчивости, неустанное стремление воздержать все мелкое и дурное, направить молодую душу на все хорошее, внушить искреннее и благородное отношение к людям и вещам; с другой стороны горячая, нежная, почти женская привязанность, самое чуткое внимание, самая

ласка, в которых ясным пламенем светилась чистая и любящая душа привлекательного юноши. Глядя на них, — заключал Чичерин, — нельзя было не полюбить того и другого»[52].

Однако ранняя смерть цесаревича Николая Александровича в 1865 г. прервала его отношения с Рихтером, а путевые журналы, которые тот вел, вместо веселых воспоминаний стали вызывать грусть о подававшем надежды юноше. В конце 1865 г. князь В. П. Мещерский, собиравшийся составить очерк жизни покойного цесаревича, просил у императора разрешения пользоваться журналами путешествий наследника «для заимствования некоторых в них подробностей»[53]. Судя по всему, этот очерк так и не увидел свет, однако значение журналов О. Б. Рихтера для изучения воспитания и образования одного из самых способных наследников российского престола трудно переоценить. Живой и иронический характер журналов не помешал им послужить основой официальных отчетов о путешествиях цесаревича, хотя в первую очередь эти тексты были предназначены для императорской семьи. Александр II, императрица Мария Александровна и молодые великие князья с удовольствием читали журналы Рихтера, чей своеобразный стиль, как кажется, замечательно передает атмосферу, в которой складывались представления цесаревича Николая Александровича о России.

Примечания

[1] *Секиринский С. С., Филиппова Т. А.* Родословная российской свободы. М., 1993. С. 89–195; *Чернуха В. Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 1999. С. 236–246.

[2] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 970. Л. 7–7 об.

[3] Опыт изучения аналогичных журналов, посвященных описанию занятий и поведения великих князей Николая и Александра Александровичей в начале 1850-х гг., см.: *Дронов И. Е.* Воспитание государя: детские годы Александра III // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Ю. А. Поляков: в 2 ч. М., 2006. Ч. 2. С. 221–231.

[4] Машинописные копии писем см.: ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1277. Рукописи хранятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке (*Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002–2004. Т. 2. С. 234).

[5] Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III / Публ. Д. Налепиной // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Вып. 5. С. 272.

[6] *Головин К.* Мои воспоминания: в 2 т. СПб., 1908–1910. Т. 1. С. 37–38; *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 136;

Епанчин Н. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 154; Мемуары графа С.Д. Шереметева / Сост., подгот. текста и прим. Л.И. Шохина. М., 2001. С. 197.

[7] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 973. Л. 1. Текст оригинала на французском языке.

[8] Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 2 об.

[9] *Толстиков А.В., Кошелева О.Е.* Homo viator // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / Гл. ред. А.О. Чубарьян; сост. С.И. Лучицкая. М., 2010. С. 5–7; *Григорьев А.А.* Философская тематизация концепта «путешествие» // Золотой век Grand tour: Путешествие как феномен культуры / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб., 2012. С. 275–282.

[10] *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013. С. 43.

[11] РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (114/1373). Д. 188 а. Л. 5–5 об.; Маршрут путешествия Государя Наследника Цесаревича в 1863 году. СПб., [1863]; РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (11). Д. 16. Л. 48, 49.

[12] Там же. Оп. 1 (114/1373). Д. 188 а. Л. 3 об.; Д. 252. Л. 123 об.

[13] Там же. Д. 188 а. Л. 3.

[14] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 27 об.–28 об.

[15] Августейшие путешественники // Колокол. 1857. 1.VII.1857. № 1. С. 8–9.

[16] *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 131; *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и городская дума. М., 2010. С. 93.

[17] ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 27 об.

[18] Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 21, 30.

[19] Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 32 об. Текст оригинала на французском языке.

[20] Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 24.

[21] Путешествие Государя Наследника Цесаревича // Северная пчела. 1861. № 194. 2 сентября. С. 792–793; № 195. 4 сентября. С. 796–797; № 196. 5 сентября. С. 802; № 197. 6 сентября. С. 805–807. Вскоре эти статьи были напечатаны отдельной брошюрой: Путешествие Государя Наследника Цесаревича в 1861 году. СПб., 1861. Второе, дополненное издание брошюры см.: Путешествие Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Нижний Новгород, Казань и Москву в 1861 году. СПб., 1862. Несмотря на знакомство с журналами О.Б. Рихтера, С.С. Татищев приписывал авторство этих анонимных статей сопровождавшему цесаревича писателю П.И. Мельникову (Андрею Печерскому). Существует также явно ошибочная версия о принадлежности этих текстов К.П. Победоносцеву, который в 1861 г. еще не начал преподавать наследнику (*Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 284; Священной памяти Его Императорского Высочества Благоверного Государя и Великого Князя Наследника Цесаревича Николая Александровича в пятидесятую годовщину кончины Его (12 апреля 1865 г. — 12 апреля 1915 г.). М., 1915. С. 12).

[22] Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. Специальное исследование «Писем о путешествии» см.: *Минаков А.А.* «Образ» России для наследника престола: о забытой книге К.П. Победоносцева и И.К. Бабста // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 2006. Вып. 11. С. 112–123. См. также предисловие к одному из наиболее удачных переизданий «Писем»: *Кондаков Ю.Е.* Предисловие. Цесаревич Николай Александрович (1843–1865): воспитание, учеба, образовательные поездки по России // Бабст И.К.,

Победоносцев К.П. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. Перепеч. с изд. 1864 г. с испр. и доп. СПб., 2010. С. 5–23.

[23] Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 61; *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. зап. МГПИ. М., 1969. № 309. С. 103; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. С. 153.

[24] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

[25] Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. От корреспондента «Московских ведомостей». I // Московские ведомости. 1863. № 146. 5 июля. С. 2; Россиада. VI. Хрестоматия из русских газет // Колокол. 1863. Л. 168. 1 августа. С. 1387. Об атрибуции строк в «Колоколе» см.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 17. С. 416–417, 425.

[26] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 815. Л. 7.

[27] Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 60. Л. 4 об.

[28] Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 11–11 об. Подробнее см.: *Иванова Т.Г.* Сказитель Козьма Романов и цесаревич Николай Александрович Романов // Традиционная культура. 2014. № 1 (53). С. 168–178.

[29] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

[30] Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 69 об. Текст оригинала на французском языке.

[31] Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 29 об.–30. См. также: *Корольков К., священник* Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894). Киев, 1901. С. 18.

[32] РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (11). Д. 51. Л. 310. О том, что образы членов Российской императорской фамилии были искаженными даже в начале XX в., см.: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

[33] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 22.

[34] НИОР РГБ. Ф. 334. Карт. 5. Д. 4. Л. 6.

[35] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 23 об.

[36] Там же. Л. 15 об.

[37] Там же. Л. 92 об.

[38] Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 21.

[39] Там же. Л. 18–18 об.

[40] Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

[41] Критикуя подобный подход, С.Е. Эрлих назвал его «уортманией» (*Эрлих С.Е.* Уортмания (восприятие идей Р. Уортмана в России) // Нестор. 2005. № 1 (7). С. 429–442).

[42] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.

[43] Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 60. Л. 4 об.

[44] Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 56. Текст оригинала на французском языке.

[45] Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 28–28 об.

[46] Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 18. О переписке великих князей Николая и Александра Александровичей в 1863 г. см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.

[47] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 34 об.

[48] Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

[49] *Блудов Д.Н.* Последние часы жизни императора Николая Первого. М., 1992. С. 10.

[50] ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

[51] Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 88 об.

[52] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и городская дума. М., 2010. С. 93.

[53] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 2 об. Просьба князя В.П. Мещерского была включена им в предисловие к его рукописным воспоминаниям о цесаревиче Николае Александровиче, поднесенным Александру II. Там же Мещерский писал, в частности, о своем желании «независимо от настоящих воспоминаний, предназначенных только для хранения в рукописи, приступить ныне же к составлению, по мере сил моих и средств, очерка жизни покойного цесаревича на основании всех тех сведений, которые без неудобств и нарушения таин его интимной и домашней жизни могут войти в сочинение, предназначаемое, с разрешения вашего величества, к печати» (Там же. Л. 2–2 об.). Из этих слов следует, что Мещерский в 1865 г. только планировал написание очерка, но успел составить лишь воспоминания о наследнике, которые тем не менее получили ошибочный архивный заголовок «Очерк жизни цесаревича Николая Александровича, составленный князем В. Мещерским».